

УДК 329(47)(091)

Нравственный кодекс христианства и поведенческая этика декабристов

Т. А. Перцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рассматривается один из важнейших аспектов духовной жизни декабристов – их нравственный кодекс и соответствие его общепризнанной в XIX в. христианской моральной доктрине.

Ключевые слова: декабристы, сибирская ссылка, христианство, религиозность, нравственность.

Система моральных норм и запретов была определена человечеством довольно рано. Принято считать, что нравственный кодекс имел божественное происхождение и был передан через посредство Иисуса Христа, произнесшего в Галилее свою Нагорную проповедь, включавшую основные его постулаты. Христианская церковь (как католическая, протестантская, так и православная) стала хранителем, ревнителем и проповедником этой морали, акцентируя внимание, прежде всего, на религиозном аспекте. Думается, что в Нагорной проповеди Христа отразилось не столько божественное произволение, сколько общечеловеческий опыт. В передаче апостола Матфея, Иисус сказал: «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» [1]. Ему вторит Лука: «Давайте, и дастся вам, мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо какую мерою мерите, такую же отмерится и вам» [2]. Но еще за семь веков до того древнегреческий агроном и поэт Гесиод наставлял своего брата:

«Всякий дающему даст, не дающему всякий откажет.

Дать – хорошо, но насильно берущего смерть ожидает.

Тот, кто охотно дает, если даже дает он и много, –

Чувствует радость, давая, и сердцем своим веселится» [3].

В его поэме «Труды и дни» восхваляется, по меньшей мере, пять добродетелей, которые отметит и сын божеский и человеческий. Но, разумеется, в античной литературе подобных примеров гораздо больше.

Нравственные заповеди, провозглашенные в Евангелиях от Матфея и Луки, отличаются своей простотой и абсолютной истинностью и, если отвлечься от божественного императива, служат своеобразным кодексом человеческого общежития. В известном смысле, это – то, чего бы хотел каждый человек по отношению к себе, т. е. некий обобщенный опыт человечества

того времени. Неслучайно и в проповеди сказано: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» [4].

Однако дальнейшая история развития этической мысли, во всяком случае, в Европе, в том числе и в России, оказалась надолго связана именно с христианством. Исходным фактором стали не справедливость и удобство людей в их взаимоотношениях друг с другом, а обязательство следовать божественной заповеди; не свободный выбор человека, а угроза вечных мук и отторжения от сущностного единения с Всевышним в случае нарушения канонов. Правда, следует признать, что сами эти заповеди, за немногими, может быть, исключениями, всегда воспринимались как абсолютно правильные и не вызывали неприятия. Но в сознании людей на протяжении нескольких веков они носили, бесспорно, религиозную окраску.

Развитие науки, перемены, происходившие в социально-экономических и общественных отношениях в Век Просвещения, постепенно начали изменять и отношение людей к религии и богу. Рационализм вторгнулся и в эту сферу. «Верить в бога, вознаграждающего и карающего, весьма полезно, – несколько цинично, но верно заметил Вольтер. – Мысль эта поощряет честность, не шокируя здравого смысла» [5]. Однако, даже подвергая критике некоторые богословские догматы, просветители XVIII в. не высказывали сомнений ни в божественном происхождении мира, ни в необходимости сохранения и культивирования нравственной составляющей религиозных учений, и не только христианских. Ярый критик католической церкви Вольтер заявлял: «Мы предлагаем сохранить в учении Иисуса все, что сообразно со всеобщим разумом, разумом всех великих философов древности, разумом всех времен и всех стран, который должен служить вечной связью между обществами всех времен. Преклонимся перед высшим существом в лице Иисуса, раз уж это установлено среди нас. <...> Какое значение может иметь то, что мы преклоняемся перед высшим существом через посредство Конфуция, Марка Аврелия, Иисуса или кого другого, лишь бы мы были справедливы! Без сомнения, религия заключается в добродетели, а не в дерзком пустословии теологов. Добродетель исходит от бога, она всюду одинакова» [6].

Такое деистическое отношение к миру было характерно для людей конца XVIII в. – первой половины XIX в. Кроме того, следует учитывать и определенную прочность религиозных традиций, сохранявшихся в русском обществе, поскольку в те времена понятия нравственности, морали «связывались обычно с религией, не мыслилось, что может существовать какая-то иная мораль, вне религии» [7]. Поэтому неудивительно, что большинство декабристов искренне считали себя христианами и не противопоставляли себя церкви, исполняя необходимые правила принятого тогда поведения. Свое участие в тайных обществах, стремление к изменению несправедливого, с их точки зрения, мира они, во всяком случае, большинство из них, не воспринимали нарушением существующих нравственных норм. Более того, по их мнению, бездействие, попустительство злу – гораздо больший грех. Недаром много позже глубоко религиозный С. П. Трубецкой (это признавалось всеми, в том числе и представителями церкви) писал: «С младенчества вскормлено в серд-

це моем, что промысел божий ведет человека ко благу, как бы путь, которым он идет, не казался тяжел и несчастен. <...> Я убежден, что если б я не испытал превратности судьбы и шел бы беспрепятственно блестящим путем, мне предстоящим, то со временем бы сделался недостоин милостей божьих и утратил бы истинное достоинство человека» [8].

Религиозность декабристов – явление сложное, многогранное, отягощенное и обогащенное рационализмом философии XVIII в. и романтической литературой начала века XIX. Осознание себя людьми историческими, ответственными за происходящее в их мире, заставляло, может быть, и не всегда осознанно, искать какие-то новые объяснения и несоответствия мира реального миру идеального, и своего права на изменение этого несовершенного мира. В 1834 г. митрополит Филарет Московский писал к алтайскому миссионеру Макарию, желавшему привлечь декабристов к своей работе: «И подумайте, из голов, которые почли себя способными перестроить целый мир, скоро ли может выйти вон вся сия огромная дурь без остатка? Сказывают о некоторых, что смирились и занимаются религиею – слава Богу! Но дух покаяния требует, чтобы они признались не в ошибке и заблуждении, в чем и гордость иногда признается, а в безумии и преступлении. Предоставим сие Хотящему всем спастися. А вы будьте осторожны» [9]. Думается, именно нравственная мотивация политических воззрений «первенцев русской свободы», весьма далекая от ортодоксальной христианской морали, хотя и опирающаяся на канонические библейские тексты, вызывала неприятие официальных представителей русской православной церкви в прошлом и заставляет относиться к ним настороженно современных священников.

Однако в обыденной жизни нравственность человека определялась (да и сейчас еще определяется) не столько его политическими взглядами, сколько обычными, бытовыми поступками: следует ли он в действительности тем нормам, что публично проповедует. Нужно, правда, заметить, что нормы эти уже не были едиными для разных общественных слоев. То, что считалось допустимым для представителя светского общества, было неприемлемо для крестьянина, то, что признавалось незыблемым для купца, вызывало насмешку у офицера, грех в глазах одних был не более чем забавной шалостью с точки зрения других. Поэтому, оценивая нравственную составляющую духовного мира декабристов, необходимо учитывать и особенности сословных традиций русского дворянства, во всяком случае, той его части, которую принято относить к столичному свету.

Пожалуй, самой значимой из библейских заповедей была декларация всепрощающей и всеобщей любви. По-видимому, с детства люди того времени слышали: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [10]. Но в те же юные годы они видели постоянное и никем не осуждаемое нарушение этого завета. Их отцы и старшие братья воевали на полях сражений и интриговали ради получения наследства или продвижения по службе, матери нелестно судачили об общих знакомых, и все вместе, даже будучи людьми просвещенными и гуманными, оставались владельцами душ, порой,

пусть и «по жестокой необходимости», расплачиваясь ими за долги. Декабристы были детьми своего века и своего сословия, и им был присущ тот же конформизм, что и подавляющему большинству их современников.

Однако выпавшие на их долю испытания заставили быть более терпимыми к людям и их недостаткам и даже с пониманием относиться к собственным тюремщикам. В их воспоминаниях и письмах к родным нередко можно встретить благодарные слова в адрес коменданта С. Р. Лепарского и понимание причин поступков генерал-губернаторов С. Б. Броневского и В. Я. Руперта. Разность политических взглядов не мешала отдавать должное противникам. Узнав о смерти Н. Н. Новосильцева, М. С. Лунин писал сестре: «С большим сожалением узнал я о смерти Новосильцова – одного из моих политических противников. Когда он был главою дел в Варшаве, я противодействовал принятой им системе, от которой возникли такие скорбные результаты для королевства и империи. Разность политических мнений не мешает отдать ему справедливость; он имел много ума, большой навык в делах и пламенную ревность к исключительным пользам России. Как противоположен наш жребий: одному эшафот и история; другому – председательство в Совете и адрес-календарь» [11].

Еще более показателен в этом отношении рассказ внука декабриста Волконского об отношении его деда к смерти Николая I. Известно, что он был из так называемых нераскаявшихся, сохранивших былые убеждения, которые, по определению Е. И. Якушкина, «сделали бы честь любому республиканцу 93 года» [12]. Однако «при известии о кончине императора Сергей Григорьевич плакал, как ребенок <...> Многое было в этих слезах, но, несомненно, больше всего была любовь к родине, тревога за ее судьбу. <...> Итак, Сергей Григорьевич оплакивал Николая I. Не будем теряться в объяснении этих слез, но отдадим им должное; мы можем и не знать, что *было* в этих слезах, но мы, наверное, знаем, чего в них не было. В них *не* было ни капли эгоизма. Если бы он думал о себе, он должен был бы, прежде всего, обрадоваться; естественно было декабристам предвидеть хоть какую-нибудь перемену в своей судьбе в связи с переменой царствования. Но он не думал о себе» [13].

Впрочем, смиряться и прощать было нелегко. Даже спокойной по складу своего характера, бесконечно набожной и открытой людям Е. И. Трубецкой мелочные придирки и запреты местного начальства доставляли немало неприятностей, и приходилось делать усилия для того, чтобы сохранять терпимость. «Бывали мгновения, – писала она своей самой близкой из декабристок подруге Е. П. Нарышкиной, – когда я, каюсь в том чистосердечно, совершенно не принимала этого так, как должно было. Невзгоды эти доставили мне много раздражения и даже несколько мгновений настоящего гнева. Я почувствовала, что во мне совершается полный возврат к мирскому. <...> Наконец, слава Богу, все это успокоилось, и я теперь испытываю печаль и унижение, которые будут мне, надеюсь, полезны и спасительны» [14].

Пожалуй, именно женщины явили самый высокий образец «любви бескорыстной». В своем прошении о дозволении отправиться в ссылку М. К. Юшневская, женщина уже не юная, пережившая неудачный первый брак, с удивив-

тельной пронзительностью молила: «Для облегчения участи мужа моего повсюду следовать за ним хочу, для благополучия жизни моей мне больше теперь ничего не нужно, как только иметь счастье видеть его и разделить с ним все, что жестокая судьба предназначила. <...> По чувству и благодарности, какую я к нему имею, не только бы взяла охотно на себя все бедствия в мире и нищету, но охотно отдала бы жизнь мою, чтобы только облегчить участь его» [15].

Вопрос о любви к своим мужьям жен, поехавших вслед за ними в Сибирь, время от времени подвергался сомнению. Действительно, далеко не всегда в те времена браки заключались по обоюдному согласию будущих супругов, и не обязательно любовь молодых людей становилась причиной согласия на заключение семейного союза со стороны их родителей. Однако, несмотря на различия в обстоятельствах, приведших к браку, и в сложившихся между ними отношениях, все эти женщины после приговора, вынесенного Верховным уголовным судом, повели себя совершенно одинаково. Большое значение в этом единодушии принадлежит, безусловно, религии. Е. И. Трубецкая, отчаявшись, видимо, воздействовать на иркутского гражданского губернатора И. Б. Цейдлера доводами рассудка, прибегла к последнему доводу: «Но если б чувства мои к мужу не были таковы, есть причины еще важнее, которые принудили бы меня решиться на сие. Церковь наша почитает брак таинством, и союз брачный ничто не сильно разорвать. Жена должна делить участь своего мужа всегда и в счастья и в несчастья, и никакое обстоятельство не может служить ей поводом к неисполнению священнейшей для нее обязанности» [16]. Клятва, даваемая при венчании быть «вместе в болезни и здравии, бедности и богатстве, в горе и радости», в то время воспринималась далеко не как пустая формальность.

Своеобразной иллюстрацией такой «неформальности» может служить судьба Ивашевых. Хотя желчный, не слишком доброжелательный к людям Д. И. Завалишин склонен был подозревать, что «невеста куплена за большие деньги» [17], их совместная жизнь стала для современников и потомков предметом истинного восхищения. Неожиданная кончина Камиллы Петровны потрясла не только мужа и родных, но и всех, кто ее знал. «Осиротели мы без нее, – писал И. И. Пущин Е. П. Оболенскому, – эта ранняя потеря тяготит сердце невольным ропотом». А через год Пущин снова делился с друзьями печальной новостью: «Одним словом, 30 декабря вместо поминок Камиллы Петровны, в тот самый час, как она скончалась, хоронят Ивашева, который сам для себя заказал обедню» [18]. Наверное, в их жизни были и непонимания, и споры, и обиды, но все искупалось глубочайшей привязанностью друг к другу, к детям, к друзьям и всем окружающим.

Приезд женщин, их постоянная готовность быть полезными не только своим мужьям и родственникам, но и их товарищам (они «иногда писали по двадцати писем в один почтовый день» [19]), безусловно, помогли декабристам выстоять. Недаром уже в 1860-х гг., отвечая на вопросы М. И. Семевского, М. А. Бестужев особо отметит: «Каземат нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге и, наконец, **через наших ангелов-спасителей, дам** (вы-

делено мною. – Т. П.) соединил нас с тем миром, от которого навсегда мы были оторваны политической смертью» [20]. А А. И. Одоевский выразил свое восхищение и благодарность поэтически:

*«И вестники благие провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли»* [21].

Впрочем, не все жены смогли приехать в Сибирь. Кто-то не смог оставить детей, кому-то помешало отправиться в дальний путь нездоровье. Только три женщины из 20 (а только 20 из 124 отправленных в Сибирь декабристов были женаты) воспользовались правом на расторжение брака и через несколько лет вступили в новый. Остальные, хотя по разным причинам и не смогли поехать вслед за мужьями, сохранили им верность, оказывая материальную и моральную помощь и воспитывая в детях любовь и уважение к отцам. В числе их были и С. М. Бриген, и П. П. Штейнгейль. Мужья же их оказались менее стойкими, вступив в незаконные, с точки зрения церкви, отношения с сибирячками. Вряд ли сейчас возможно установить, любовь ли стала причиной нарушения брачных обетов, плотская ли слабость или стечение каких-то обстоятельств. Однако и в том, и в другом случае связи носили длительный, устойчивый характер. Оба декабриста не сообщали о сибирских семьях своим родным до самой амнистии. Столь явное нарушение заповеди «не прелюбодействуй» людьми глубоко религиозными (Штейнгейль даже исполнял иногда обязанности дьячка в церкви) может вызвать недоумение. Между тем в дворянском обществе того времени подобные явления не были большой редкостью. Нельзя сказать, что в такой снисходительности нашло проявление «обмирщение морали», но, разумеется, здесь сказалось влияние мыслителей XVIII в., признавших материальную составляющую природы человека. Как заметила исследовательница «мира чувств» русской дворянки Н. Л. Пушкарева, «от десятилетия к десятилетию разъезды/разводы, вызванные супружескими изменами, становились все более частыми». И даже Синод вынужден был считаться с этим, давая согласие не только на развод, но и на право «жить особо друг от друга», не вступая в новый брак [22]. Общество, разумеется, требовало соблюдения определенных условностей, но в целом адюльтеры в это время перестали быть большой редкостью.

Достаточно снисходительно относилось общество и к внебрачным детям, разумеется, при условии признания их не только законной семьей, но и властями. Думается, именно поэтому декабристы, когда появилась возможность возвращения, перестали скрывать от родных свое прегрешение. «Ни в коем случае я здешнего моего семейства не оставлю на произвол судьбы, – делился своими планами с Оболенским Бриген. – Это было бы грешно перед богом и бесчестно перед людьми» [23]. Приняли это и законные семьи. Получив известие о пожаловании его сибирским сыну и дочери «личного почетного гражданства с фамилиею Бароновых», Штейнгейль писал Пушкину: «О, как я был рад! Можете себе представить, и сугубо рад – от живого участия наличных детей, начиная с Вячеслава, и, наконец, самой старушки, столь бла-

городно рассудительной» [24]. Поведение В. И. Штейнгейля и А. Ф. Бригена, бесспорно, не соответствовало высшему образцу, но вполне укладывалось в рамки правил земной жизни, где человек совершал ошибки и проступки, сам же их исправлял, и это не мешало ему искренне считать себя человеком религиозным.

Большинство из декабристов, оказавшихся в Сибири, не были женаты, и, выйдя на поселение, естественно, пожелали устроить свою судьбу. Правда, сделать это оказалось непросто. Прежде всего, нужно было получить высочайшее согласие. Подавать прошение человеку, уже далеко не юному, о разрешении на действие глубоко личное, к тому же с риском получить отказ и тем самым поставить и себя, и свою избранницу в двусмысленное положение (всем товарищам была известна печальная судьба П. А. Муханова и В. М. Шаховской) было, конечно, нелегко. Сомнения в том, что бесправный ссыльный сумеет достойно обеспечивать семью, тоже становилось препятствием. Именно поэтому, узнав из письма матери о том, что она лишилась возможности оказывать сыновьям материальную помощь, и, не желая оскорбить отказом ни невесту, ни ее родителей, И. В. Поджио «просил генерал-губернатора повести дело так, чтобы вместо ожидаемого разрешения на брак, последовало бы от него запрещение этого брака» [25].

Тем не менее, двадцать четыре «государственных преступника» обвенчались с сибирячками из самых разных слоев местного общества: крестьянками, казачками, дочерьми чиновников. И делалось это вовсе не из-за того, что они стремились облегчить свой быт, как иногда склонны были объяснять этот поступок их современники и современные нам «обличители» декабристов. «Моя жена, – сообщал Е. П. Оболенский своему другу А. Л. Кучевскому, – не из высшего круга, но простая, без грамотная девица, честно и бескорыстно я искал ее руки, она мне отдала себя так же честно и бескорыстно» [26].

Следует, правда, отметить, что не все декабристы принимали подобные мезальянсы. И. И. Пущин, несмотря на испытанную годами дружбу с Оболенским, отнесся к его намерению отрицательно: «Много хотел бы сказать тебе о намерении твоём – как, кажется, произнести слово: женюсь. Но, вероятно, ты помнишь постоянное мое мнение. Я его не изменил, напротив, еще более убеждаюсь в невозможности для нас, в нашем положении сделать такой шаг» [27]. Сам Пущин этого шага так и не сделал, хотя имел двоих внебрачных детей, которых очень любил. Аннушка и Ванечка жили с отцом и были постоянным предметом его неустанных забот и обсуждений в письмах к родным и друзьям. В гражданском браке, уже признаваемом, но по-прежнему не одобряемом обществом, состояло в Сибири еще семеро декабристов. Причины, по которым они законным порядком не оформляли своих отношений, были различны: неожиданная смерть, развод из-за духовного родства, как это было с М. К. Кюхельбекером, нежелание, чтобы дети несли на себе клеймо «государственных преступников», сословные предрассудки. Однако никто из них не отказывался от той ответственности, которую налагают на мужчину близкие отношения с женщиной, а тем более – от ответст-

венности за родившихся детей. Судьбы детей И. И. Пущина, Н. А. Бестужева, М. К. Кюхельбекера, безусловно, свидетельствуют о том, что, несмотря на неполное соблюдение одной из заповедей Христа, их отцов вряд ли можно назвать непрощаемыми грешниками.

Как правило, ссыльные дворяне заботились не только о материальном благополучии своих новых семей, но и об их духовном развитии, расширении умственного кругозора. С. М. Семенов в своих воспоминаниях отмечал, что «князь очень любил жену и детей и имел на семью чрезвычайно хорошее влияние. <...> Он деятельно занялся общим развитием своей жены, и через год она была хорошо грамотна, развилась и стала держаться настолько прилично, что все отвернувшиеся было от Оболенского декабристы стали принимать ее и вновь бывать у Оболенского» [28]. Если учесть, что у большинства избранниц сибирских изгнанников были родственники, друзья, соседи, и они также входили в круг постоянного общения декабристских поселенческих колоний, сфера такого благотворного влияния существенно расширялась.

Среди обязанностей человека, как уже упоминалось выше, была помощь ближним. Но не менее важным, с точки зрения морали, был постулат о полном ее бескорыстии и несуетности: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца нашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улице, чтобы прославляли их люди. <...> У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая. Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» [29].

Образцом такого бескорыстия, безусловно, была А. Г. Муравьева. Оставившая в Москве троих детей ради горячо любимого мужа, она, по словам А. Е. Розена, разрывала жизнь свою сжигающими чувствами любви к присутствующему мужу и к отсутствующим детям. Мужу своему показывала себя спокойною, даже радостною, чтобы не опечалить его, а наедине предавалась чувствам матери самой нежной» [30]. Однако всепоглощающее служение своим родным не мешало ей быть столь же внимательной к нуждам других, порой совершенно незнакомых ей людей. Как писал в своих «Записках» И. Д. Якушкин, «при первом случае, когда кому бы то ни было могла быть на пользу, она забывала всех своих и себя. <...> Довести до сведения Александры Григорьевны о каком-нибудь нуждающемся было всякий раз оказать ей услугу, и можно было остаться уверенным, что нуждающийся будет ею успокоен» [31]. Не менее деятельной в помощи ближнему была и Екатерина Ивановна Трубецкая. Сообщая о ее кончине архиепископу Нилу, с которым многих декабристов связывали дружеские чувства, редактор «Вестника Восточной Сибири» отметил: «Ей не нужно было ни надгробных слов, ни похвал человеческих, которые бы напомнили о жизни ее <...>. Дела покойной сами за себя говорят. Толпа, благодетельствованная ею, принесла ей дань любви – сердечные слезы. Мир праху твоему, святая, незабвенная женщина!» [32].

Показательным примером действенной «любви к ближнему» служит устройство Большой артели декабристов, которая, как отмечал Н. В. Басаргин, «в продолжении всего нашего пребывания в Петровском так обеспечивала нашу материальную жизнь и так хорошо была придумана, что никто из нас во все это время не нуждался ни в чем и не был ни от кого зависим» [33]. В создании этой артели можно увидеть лишь заботу об обеспечении общего приличного существования, что, безусловно, было почти необходимостью, учитывая и различное изначальное материальное положение «сиятельных каторжан», и отношение к ним оставшихся в России родственников. Однако не меньшее уважение вызывает и вторая часть мотивации, на которую указал Басаргин – «не был ни от кого зависим». Устав артели давал возможность обеспеченным декабристам помочь товарищам, не оскорбляя их самолюбия, а тем – принять эту помощь, не теряя собственного лица и не впадая в зависимость от кого бы то ни было.

Думается, появление этой артели стало возможно благодаря тому братству, что сложилось в читинском и петровском казематах. Но сохранение и развитие артельных отношений даже по окончании срока каторги позволило сохранить это братство и на поселении, и после амнистии. «24-го я отправил барону твои деньги, разумеется, не сказал от кого, только сказал, что и не от меня, – сообщал И. И. Пущин Н. Д. Фонвизиной. – От души спасибо тебе, друг, что послала по возможности нашему старику. В утешение тебе скажу, что мне удалось через одного здешнего доброго человека добыть барону ежемесячно по 20 целковых. Каждое 1-е число (началось с января) получаю из откупа эту сумму и отправляю, куда следует. Значит, барон покамест несколько обеспечен» [34]. Особую озабоченность декабристов вызывала судьба детей их товарищей. В их переписке постоянно встречаются вопросы об их здоровье, успехах в учебе, советы по их воспитанию, сочувствие и поддержка родителям в случае каких-либо несчастий с детьми. Полное сиротство малолетних Ивашевых взволновало поселенцев, рассеянных по Сибири. Из Иркутска М. К. Юшневская сетовала: «Зачем я не с ними теперь». А А. П. Бяратинский в письме к Пущину из Тобольска высказывал уверенность, что тот заменит, «сколько можно, их родителей» [35]. И надежды друзей на «Марьяну старицу», как в шутку называли Ивана Ивановича товарищи, полностью оправдались. Ради исполнения долга перед осиротевшими детьми он пожертвовал давно задуманной и с большими трудами разрешенной поездкой в Восточную Сибирь, о чем он писал в письме к Бяратинскому от 13 марта 1841 г.: «Я имел известие из Иркутска. Меня туда ожидают, и я сию теперь в Туринске и по совести не могу выехать, пока детям Ивашева не позволят переехать Урал» [36]. Следующая возможность встретиться с друзьями, поселенными у Байкала, представилась ему только летом 1849 г.

«Марьянство» Пущина высоко ценилось всеми декабристами за постоянное и деятельное внимание к нуждам окружающих, неутомимость в добывании средств для неимущих товарищей, за справедливость и деликатность при их распределении. Вся его деятельность в сибирской ссылке и после амнистии отвечает духу Нагорной проповеди, но делается это не из-за

глубокой религиозности, не потому, что он сверяет свои деяния с существующими заповедями, и, тем более, не потому, что надеется на достойную оценку, когда придет время предстать перед Всевышним.

Обращает на себя внимание и определенный практицизм декабристов в отношении «пожертвований». Чего больше в поручении М. С. Лунина из самой страшной российской тюрьмы того времени своему другу С. Г. Волконскому: «Негодяй проболтался. Если представится случай, скажите ему, что я им недоволен. В то же время пошлите ему прилагаемые 25 рублей – от вашего имени, – ибо он наверняка без копейки» [37]? Здесь, безусловно, присутствует озабоченность положением П. Ф. Громницкого, но столь же безусловно и понимание своей ответственности за то, что стал невольной причиной ухудшения этого положения. Не менее определенно, хотя и по другому поводу, высказался в этом отношении и Пущин в письме к Д. И. Завалишину: «Очень жалею, что не могу ничем участвовать в постройке читинской церкви. Тут нужно что-нибудь значительнее наших средств. К тому же я всегда по возможности лучше желаю помочь бедняку какому-нибудь, нежели содействовать в украшениях для строящихся церквей. По-моему, тут моя лепта ближе к цели» [38]. Для человека светского, сохраняющего в себе то, что в наше время назвали «активной жизненной позицией», безусловно, более значимой была польза, которую он может принести конкретному человеку, вызволить его из тисков бедности, одиночества, отчаяния, помочь сохранить человеческое достоинство. Именно это, с их точки зрения, ведет к «общему средоточию, прекрасно указанному в Евангелии под именем царства божия и вечной его правды» [39].

Побудительным мотивом для совершения поступка для большинства из декабристов было сострадание, стремление помочь тому, кто в этом нуждался. Если у них самих такой возможности не было, искали того, в чьих силах было это сделать. А вот для объяснения благотворительной своей деятельности и с этими «спонсорами», и с другими людьми, порой не понимающими, почему сами, имеющие не слишком много, отрывают от себя, нередко прибегали к постулатам Нагорной проповеди Христа, к многовековому авторитету его примера. Не исключено, впрочем, что в этом сказывались и сформированные с детства нравственные убеждения, своего рода привычка соотносить свои поступки с заповедями истинного христианства. Сложившееся в зрелые годы, под влиянием окружающей действительности, скептическое отношение к церкви как определенной государственной структуре и некоторым священнослужителям, не отвечавшим требованиям, предъявляемым к Пастырю, все не означало отрицания религии, как таковой, и ее морального кодекса.

1. Евангелие (далее – Ев.) от Матф. Гл. 5, 42.

2. Ев. от Луки. Гл. 6, 38.

3. *Гесиод*. Работы и дни / пер. В. В. Вересаева. Иркутск, 1992. С. 20.

1. The Evangel of St. Matthew. Chapter 5, 42.

2. The Evangel of St. Luke. Chapter 6, 38.

3. *Guesiod. Labour and life*. Transl. by V. V. Veresayeva. Irkutsk, 1992. P. 20.

4. Ев. от Луки. Гл. 6, 31.
5. *Вольтер*. Бог и люди: Статьи, памфлеты, письма. М., 1961. Т. 1. С. 217.
6. Там же. С. 238.
7. *Замалеев А. Ф., Овчинникова Е. А.* Революционная мораль декабристов. Л., 1985. С. 15.
8. *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 287.
9. *Харлампович К.* Макарий Глухарев и тобольские декабристы // Рус. арх. 1904. № 2. С. 235.
10. Ев. от Матф. Гл. 5, 44.
11. *Лунин М. С.* Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 83–84.
12. Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. Л., 1926. С. 51.
13. *Волконский С.* Воспоминания: О декабристах. Разговоры. М., 1994. С. 81–82.
14. *Кологривов И.* Княгиня Е. И. Трубецкая // Совр. записки. Париж, 1936. Кн. 62. С. 262.
15. Цит. по: *Павлюченко Э. А.* В добровольном изгнании: О женах и сестрах декабристов. М., 1980. С. 19.
16. Цит. по: *Сергеев М.* Несчастью верная сестра. Иркутск, 1978. С. 10.
17. *Завалишин Д.* Воспоминания. М., 2003. С. 411.
18. *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 124, 152.
19. *Волконский С.* Воспоминания ... С. 48.
20. Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. СПб. : Наука, 2006. С. 146.
21. Декабристы. Т. 1. Поэзия. Л. : Худож. лит., 1975. С. 343.
22. Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 103.
23. *Бриген А. Ф.* Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 341.
24. *Штейнгель В. И.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 391.
25. *Кубалов Б. Г.* Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С. 87.
4. The Evangel of St. Luke. Chapter 6, 31.
5. *Voltaire*. God and people: essays, tracts, letters. V. 1. M., 1961. P. 217.
6. Ibid. P. 238.
7. *Zamaleyev A. Ph., Ovchinnikova E. A.* Revolution morality of the Desembrists. L., 1985. P. 15.
8. *Trubetskoy S. P.* Materials on life and revolution activity. V. 1. Irkutsk, 1983. P. 287.
9. *Kharlampovich K.* Makariy Glukharev and the Tobolsk Decembrists // The Russian Archive. 1904. N 2. S. 235.
10. The Evangel of St. Matthew. Chapter 5, 44.
11. *Lunin M. S.* Essays, letters, documents. Irkutsk, 1988. P. 83–84.
12. Settled down Decembrists: from the Yakushkin's archive. L., 1926. P. 51.
13. *Volkonskiy S.* Memoirs: About Decembrists. Conversations. M., 1994. P. 81–82.
14. *Kologrivov I.* The princess E. I. Trubetskaya // Contemporary messages. Paris, 1936, book 62. P. 262.
15. Citation: *Pavlichenko E. A.* In the voluntary exile: on the Decembrists' wives and sisters. M., 1980. P. 19.
16. Citation: *Sergueyev M.* The misery's faithful sister. Irkutsk, 1978. P. 10.
17. *Zavalishin D.* Memoirs. M., 2003. P. 411.
18. *Puchtchin I. I.* Memoirs on Pushkin, Letters. M., 1988. P. 124, 152.
19. *Volkonskiy S.* Memoirs ... P. 48.
20. The Bestuzhev's memoirs / Compiled and commented by M. K. Azadovskiy. Saint Petersburg: Science, 2006. P. 146.
21. *Decembrists. V. I.* Poetry. L. : Belletristic literature, 1975. P. 343.
22. A person in the world of feelings. Essays on the history of private life in Europe and several Asian countries up to the modern time. M., 2000. P. 103.
23. *Briguen A. Ph.* Letters.. Historical essays. Irkutsk, 1986. P. 341.
24. *Shteiguel V. I.* Essays and letters. V. 1. Irkutsk, 1985. P. 391.

26. Там же.
27. *Пуцин И. И.* Указ. соч. С. 148.
28. Дум высокое стремление / сост. С. Коваль. Иркутск, 1975. С. 289.
29. Ев. от Матф. Гл. 6, 1–4.
30. *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 226.
31. *Якушкин И. Д.* Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 211–212.
32. *Кологривов И.* Указ. соч. С. 275–276.
33. *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 153.
34. *Пуцин И. И.* Указ. соч. С. 310.
35. *Зейфман Н. В.* Неизданные письма к И. И. Пущину // Записки ОР ГБЛ. Вып. 43. М., 1982. С. 132, 115.
36. *Пуцин И. И.* Указ. соч. С. 158.
37. *Лунин М. С.* Указ. соч. С. 263–264.
38. *Пуцин И. И.* Указ. соч. С. 2230.
39. *Батеньков Г. С.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1989. С. 317.
25. *Kubalov B. G.* Decembrists in the Eastern Siberia. Irkutsk, 1925. P. 87.
26. Ibid.
27. *Puchtchin I. I.* Memoirs ... P. 148.
28. The thoughts great aspiration / Compiled S. Kovol. Irkutsk, 1975. P. 289.
29. The Evangel of St. Matthew. Chapter 6, 1–4.
30. *Rozen A. E.* The Decembrist' notes. Irkutsk, 1984. P. 226.
31. *Yakushin I. D.* Memoirs. Essays. Documents. Irkutsk, 1993. P. 211–212.
32. *Kologrivov I.* Ibid. P. 275–276.
33. *Basarguin N. V.* Memoirs, outlines, essays. Irkutsk, 1988. P. 153.
34. *Puchtchin I. I.* Memoirs ... P. 310.
35. *Zeiphman N. V.* Unedited letters to I. I. Puchtchin / notes OR GBL. Issue 43. M., 1982. P. 132, 115.
36. *Puchtchin I. I.* Memoirs ... P. 158.
37. *Lunin M. S.* Memoirs ... P. 263–264.
38. *Puchtchin I. I.* Memoirs ... P. 223.
39. *Batenkov G. S.* Essays and letters. V. 1. Irkutsk, 1989. P. 317.

Moral Code of Christianity and Behavioral Ethics of Decembrists

Pertseva T. A.

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns the most important aspect of the Decembrists inner life that is their moral code and its conformity with generally acknowledged Christian moral doctrine of the XIX-th c.

Key words: Decembrists, exile to Siberia, Christianity, religiousness, morality.

Перцева Тамара Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, e-mail: pta_999@mail.ru

Pertseva Tamara Alekseyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: pta_999@mail.ru